

П О Э З И Я

Ирина ПЕРУНОВА

Родилась в 1966 г. в Воркуте. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Публиковалась в журналах «Октябрь», «Юность», «Новая юность», «Новая Россия», в антологии военной поэзии «Ты припомни, Россия, как все это было!», антологиях «Русская поэзия. XXI век» и «Наше время», коллективном сборнике «Северные широты» и др. Работала в ярославском молодежном Центре анимационного творчества «Перспектива». Член Союза российских писателей.

Эники-бэники

* * *

Пробита речь молчанием, сквозит
последнее несказанное слово.
Возможно, это слово-паразит,
от зерен отлетевшая полова,

лишенное таланта и ума
отсутствие без всякого покрова!
Ты погляди: тома, тома, тома...
И что тебе несказанное слово?

Снегами заплывает оком
пространства, прикипевшего к засовам.
Там трудники поврозь или вдвоем
всю жизнь свою работают над словом.

Издали, не издали — не вопрос.
От точки доведенные до точки,
роняют миллионы алых роз
отсохшие печатные листочки.

Но ты вберешь бескровный перегной,
пустой травы крушенье и шуршанье,
как обещанье музыки иной,
как пущенное в рост благоуханье.

* * *

Эники-бэники ели вареники:
— На квинтэссенции женской истерики,
Оленька, можно ль поэту жениться?!

— Ты же и сам, извини — роженица,
жертва, беременный Ангелом слух...
Где Боливар, чтобы выдержал двух?
Та — без уздечки загонит табун!

— Да, поэтесса поэту — табу.
В гомики, в гномики лучше, в скопцы.
Эники-бэники, дрянь голубцы!

Сфинкс

В смысле шерсти, какой с нее прок,
с лунной кошки по имени Лолла?
Тем прелестней надменный кивок
головы клиновидной и голой.

Мы-то думали: кошка — урод,
бедный Питер, больная природа...
Дураки! Экстремал питерболд —
не урод, а такая порода.

Полный блеск, абсолютная плешь.
Не найдешь адекватно глагола,
только: «Ешь, моя девочка, ешь...»,
а себе под язык — валидола.

Гордый жест — от ушей до хвоста:
«Сами ешьте свои макароны!
Мир спасала моя красота,
и рыдали по мне фараоны!»

Актриска

Все плюсы «дворняжки»
и минусы с ней,
еще две затяжки —
и взглянет нежней
на хлеб, из чужих принимаемый рук,
на вбитый под самую крышею крюк.

Неловко привстанет на свой табурет и,
пока не рассеялся дым сигаретный,
(эффектная пауза)
перец и лук
повесит сушиться, как сердце на крюк.

Письмишко

Рыбка, золотце, все не так:
в синем море живет синяк.

Государыня рыбка, силище —
ставим драму «На нерестилище»,
следом — Горького М. «На дне»,
я не занятая. Зане
бил челом за меня помреж —
уж не знаю, кому промеж:
выбил роль во втором составе.
Снова боль в лучевом суставе
учит: «Катька, не будь лучом!
Царству темному нипочем.
Помолчи, не гони волну,
не стучи головой по дну —
приплюсуешь гастрит, мигрень,
вечный, Катенька, рыбный день!»
P. S.

Мы ли, нехристи во Христе,
все на нересте, да не те.
Золотой ли я твой малек,
или чертика уголек?
Не волнуется море — раз!
Не волнуется море — два!
Не волнуется море — три!
Не волнуясь и я, смотри.

В песочнице

Раз куличик, два куличик!
Голосуй, дружок:
превратим куличик в блинчик
или в пирожок?

Ну, зачем же сразу в слезы,
пусть, куличик три!
Книжка есть «Метаморфозы»,
газоньки утри.

Написал ее Овидий,
жалко, что не я,
он такие в жизни видел
превращения...

Я, признаться, не сумела
до конца прочесть,
но не в этом, знаешь, дело,
превращенья — есть!

Отвыкай от злых привычек:
сотня куличей
не накормит пары птичек
в голове моей.

Отпусти ты их, дружище,
чудо сотвори.
Впрочем, правда, красотища —
твой куличик три!

Раз куличик, два куличик,
три, кузнечик... оп!
Поприветствовал двух птичек
и ушел в галоп.

Золушка

Бабочка пробует пищу ногами, и
нет на земле никакой моногамии!
Только горящий хрусталик глазной,
только хрустальный сандалик резной,

тапочка, туфелька, чок-башмачок,
в сердце забытый. Лети, дурачок.
Что тебе ад, и зачем тебе рай,
рад бы, да поздно. Лови, примеряй!

* * *

Там улиткина перчатка ускользала в темноту,
и звезда, как опечатка, проступала на лету,
в слове «провиденциально»
зацепив частицу «де».

Век сиять провинциально
с той поры твоей звезде.

* * *

О соль голимая снежка,
и голем — Гоголь из Торжка,
сработан скульптором стрезва,
на раз одушевлен, на два —
уже петляет меж домов,
в сплошной проказе пеших слов,
и вопрошает, как Иов:
— За что, Господь, Ты был таков?

А Бог струит весну большую
и одесную и ошую,
то камень точит меж висков,
то пальцем глянет из носков,
повсюду Он, куда ни кинь.
Червяк, и тот — Его аминь.

.....
И Гоголь моголем желтел,
и голем щеголем летел,
воздушной голенью бомжа
внимал концепции ежа.
И ежик носа в тайники
(похоже, Бог, куда не кинь!)
прохожий прячет аромат,
как вечной жизни компромат
на всякую не жизнь....

* * *

Тише, тише, тишина.
Начинается война.

Все уснем в большом бою.
Баю, баюшки, баю.

Баю-баю-баю.
Божия раба я.

Спи, усни, благословясь.
Встанешь, светлый, будешь князь.

Спи на краешке земли.
И шинель твоя в пыли.

Спи у неба на краю.
Будешь с Господом в раю.

В месяце апреле
плыли колыбели.

* * *

Кровь кузнечика белого цвета,
ночь дрожит от его фальцета
беглой дрожью пустых аллей.
Убывает печаль о детстве,
братстве, сестричестве, соседстве,
с каждым шагом туман белей.

Опечатана светом пустошь.
Дом, который досрочно, пусть уж,
в самом деле, построил Джек —
снялся с места, уехал в Устюж,
Тимбухту, Воркуту и Лутошь,
на Луну переброшен ЖЭК.

Убывает печаль о детстве,
братстве, сестричестве, соседстве,
вместе с кровью на цвет любой.
Лишь кузнечик горячку порет,
добела раскаленной спорит
с кровью лобстера голубой.

Алмазный фонд

Край алмаза торчит из породы —
схваток нет, но похоже на роды.

Намывала тайга-непролаз
в той грязи за алмазом алмаз:
«Роза Ленина», «Сердце Альенде»...
Голубь мира, клюющий кутью,
алой платины пятна на ленте:
«Любим, помним, прощаем. Адью».

Морозящее небо в алмазах,
рэкет в брекетах, брекеты в стразах,
золотое сечение кости
под брезгливой рукой костоправа.
Параллельная зренью держава,
въезд безвизовый дай, упрости.

«Я — Тайга, я — Тайга!» — позывные
наплывают уже на земные,
на челночные наши бега.
Поднебесья бескостный скиталец,
корешки выпускает китаец:
— Ятайга, Вань ю ша, Ятайга!

«Роза Ленина», «Сердце Альенде»...
Рев страны о похеренном бренде,
всемирного эха «Атас!»
И сияет сквозь стекла витрины
в звонком скипетре Екатерины —
мандарина смеющийся глаз.

Голоса

— Тысячекратная тьма повторенья
танца теней Саломеи с Иудой.
— Нет! Еще иродова даренья
нет! Не вернулись посыльные с блюдом,
нож не рожден еще... Незачем, нечем,
некому... Спящий во чреве Предтечей
день не восстал.
— Удались, удали!
Жорж приглашает на вальс Натали.
Резкий румянец прильнул к эполете...
Танец как танец. Дети как дети.

* * *

Маша, ты видела смерть Фаятона
в спичке, слетающей искрой с балкона,
все удивлялась: «Ну как вам не жалко
маленькой спички, ведь есть зажигалка!»

Дружно дрожали, намкнув, реснички,
и дорожали в руке моей спички.

Я ли обижу тебя, дорогая?
Скажешь однажды: «Пускай, догорая,
жизнь пролетает высоким пунктиром
в этом ли мире, над этим ли миром —
лишь бы не местный мирок-коробок!»
Тихо и просто скользнешь за порог.

Вот на какой себя мысли ловлю:
кажется, я тебя благословлю.

* * *

А всего и хотелось —
слушать ветер на пне,
чтобы птице летелось
в назидание мне,
чтоб траве шелестелось
и шуршалось жуку,
жизни пряность и прелость
осыпая в строку.

* * *

Памяти поэта Василия Галюджина

Все, говорят, пропил.
Все, говоришь, пропел.

Падая без стропил, точка, тире, пробел...
Решка, орел, Икар? В Господе воробей.
Некому окликать.

Выдохся, оробел даже вороний карк.
Оторопи репей.
Тянет летучий скарб облако на горбе.

Сора какого из... видели, слышали-с.
Даром, что перья грыз
в Господе воробей.

Пуха тебе пера набело и вдогон
понамело с утра
с собственных похорон.

Выкуси, приголубь в зобе зерна аминь
и шелухи на рубль
ветру перезайми.